

Г РАЙСИАНСКИЙ ПОДХОД К УСЛОВИЯМ УСПЕШНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

Соболев Иван Александрович – студент бакалавриата ОП «Философия». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; e-mail: iasobolev@edu.hse.ru

В статье исследуются условия прагматической успешности (felicity conditions) высказываний с подразумеваемым значением. Исторически в дискуссии об успешности высказывания еще в работах Витгенштейна и Остина были предварительно определены два подхода к ее изучению. Первый опирается на анализ речевого поведения (бихевиористский), сегодня он развился в теорию обязательств. Второй подход, доработанный Полом Грайсом, интерпретирует успешность через намерения говорящего. Основная цель статьи – доказать преимущества грайсианского подхода к анализу категории успешности на фоне недостатков бихевиористского подхода. Для этого автор фокусирует внимание на прагматике подразумеваемого значения, в рамках которой можно наглядно показать, как условия успешности основаны на интенции и знании говорящего. В рамках защищаемого подхода исследуются три ключевых типа неявного значения: пресуппозиции, конвенциональные и речевые импликатуры. На основе анализа примеров показано, как уникальные свойства данных типов значения влияют на условия успешности высказывания с ними. В конце статьи дан критический анализ, демонстрирующий недостатки и ограничения теории обязательств как альтернативы позиции автора.

Ключевые слова: условия успешности высказывания, прагматика, пресуппозиция, импликатура, грайсианские теории

THE GRICEAN APPROACH TO UTTERANCE FELICITY CONDITIONS

Ivan A. Sobolev – Bachelor Student. HSE University. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russian Federation; e-mail: iasobolev@edu.hse.ru

The article examines the pragmatic felicity conditions for utterances with implied meanings. Historically, in the discussion of the utterance felicity, two key approaches were formulated in the works of Wittgenstein and Austin. The first is based on the analysis of speech behavior (behaviorist), today it has developed into the theory of commitment. The second approach, refined by Paul Grice, interprets felicity through the speaker's intentions. The main goal of the article is to bring the advantages of Gricean analysis over the behaviorist one to this category. To do this, the author focuses on the pragmatics of implied meaning within which it is possible to clearly show how the rules of success are based on the speaker's intention. The approach being defended investigates three key types of implicit meaning:

* Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках проекта «Международное академическое сотрудничество» НИУ ВШЭ. The article was prepared within the framework of the project “International academic cooperation” HSE University.

presuppositions, conventional and speech implicatures. Based on examples analysis, it is shown how the unique semantic properties of these meaning types effect on felicity of utterance. At the end of the article, a critical analysis is given, demonstrating the shortcomings and limitations of the commitment theory as an alternative to the author's position.

Keywords: utterance felicity conditions, pragmatics, presupposition, implicature, Gricean theories

1. От истинности к успешности

Традиционный подход к высказываниям в философии языка и логике затрагивал прежде всего истинность их пропозиции, то есть относился к области семантики: будь то логический анализ языка у Фреге, теория дескрипций Рассела или семантическая концепция истины Тарского. Во второй половине XX в., например в работах позднего Витгенштейна и в теории речевых актов Остина, происходит смена фокуса в исследованиях с формализации естественного языка на анализ его механизмов. Высказывание теперь рассматривается как воспринимаемое собеседниками, включенное в процесс коммуникации. Ключевым объектом исследования в прагматическом контексте становится успешность высказывания относительно интерпретатора.

Уже в истоках этой традиции можно проследить два противоположных подхода к успешности. Витгенштейн, с одной стороны, открыто отрицал существование приватного языка и считал, что успешность языковых игр связана прежде всего с правильным словоупотреблением, то есть нашей публичной речевой деятельностью. Но, с другой стороны, в «Философских исследованиях» он также ввел понятие *Umgebung*, которое на русский переводят словом «сопровождение». Под этим термином Витгенштейн понимал условия возможности языковых игр, к которым относил в том числе и намерения говорящего. Намерения вплетены в речевые ситуации и обычаи, поэтому постоянно воздействуют на контекст употребления [Wittgenstein, 2009, p. 115].

Остин, в свою очередь, напрямую затрагивавший проблему успешности в работе о перформативных высказываниях, также колебался между двумя интерпретациями «осечек», то есть неуспеха в коммуникации. Так, он писал, что некоторые перформативные высказывания не срабатывают, поскольку нарушаются общепринятые процедуры или не выполняются все необходимые эмпирические условия для успеха данного высказывания. Этот подход к успешности можно назвать условно бихевиористским, поскольку он учитывает только особенности внешнего речевого поведения. Но Остин не останавливается на нем и тут же добавляет, что высказывания

могут быть несостоятельны и в другом смысле. Существуют вербальные процедуры, для которых необходима определенная ментальная установка говорящего, выраженная в чувствах или намерениях. Например, поздравляют с искренней радостью за адресата высказывания, а обещают то, что намерены выполнять, и т.п. [Austin, 1979, p. 238–239].

Сегодня ситуация не поменялась, все так же существует много альтернативных подходов к пониманию категории успешности. С одной стороны, это анализ успешности с помощью трехзначных логик, где значение неопределенности означает неуспешность [Sobreros et al., 2014]. С другой стороны, это динамическая семантика, в которой успешность высказывания определяется правильной стратегией упаковки информации и ответе на обсуждаемый вопрос [Попова, 2022]. Наконец, это подходы, основанные на теории коммуникации Грайса, согласно которым успешность определяется правильной интерпретацией ментального состояния говорящего [Grice, 1975; Horn, 2004]. Грайс унаследовал эту перспективу в отношении успешности у Витгенштейна и Остина и развил ее при помощи собственной концепции максим коммуникации.

Грайсианские теории сталкиваются с критикой представителей других, в известном смысле бихевиористских школ. Во-первых, далеко не все согласны с тем, что ключевой функцией языка является обмен информацией о мире и своих ментальных установках (референциальная функция). Так, в теории обязательств (*commitment*) успех коммуникации зависит прежде всего от действий собеседников в языковой игре, а не от их знания о намерениях говорящего. Во-вторых, критике подвергается теория подразумеваемого значения Грайса. Импликатуры, которые он пытался объяснить через максимы коммуникации, сами по себе как будто противоречат этим максимам. Почему люди используют фразы с неявным смыслом, когда максимы четко требуют говорить ясно, однозначно и ровно столько, сколько необходимо [Золян, 2024]?

В этой статье я буду отстаивать позицию, что грайсианский подход лучше всего подходит для объяснения феномена успешности, поскольку апеллирует к намерениям говорящего. Я считаю, что в данном вопросе бихевиористский взгляд, воплощенный в теории обязательств, редуцирует коммуникацию до внешних проявлений, оставляя за скобками крайне важные феномены коммуникации, например подтекст или неявный смысл. Чтобы доказать свою позицию, солидаризируясь с грайсианской традицией, я обращусь к высказываниям с неявным содержанием. Они позволят точнее и нагляднее объяснить механизмы успешности. Таким образом, цель статьи – объяснить, что такое успешность, опираясь на прагматику подразумеваемого значения.

Я попытаюсь обосновать, как и почему феномен успешности в высказываниях с подразумеваемым значением связан со знанием и мнением участников коммуникации. Для этого необходимо, во-первых, определить, что представляет из себя успешность как свойство высказывания. Во-вторых, показать на примерах, как семантические свойства разных типов значения влияют на их успешность, а также как грайсианский подход объясняет это отношение. Наконец, в-третьих, доказать, почему альтернативные условно бихевиористские формальные подходы не могут точно описать механизмы коммуникации и успешности высказывания.

2. Определение успешности: парадоксы и речевые акты

При попытках анализировать истинность или ложность парадоксальных высказываний мы сталкиваемся с затруднениями: им придается как бы двойственный или промежуточный статус. Рассмотрим эту особенность на знаменитом примере.

(1) Критянин Эпименид сказал: «Все критяне – лжецы».

Можно предположить, что сказанное Эпименидом истинно, и тогда все критяне, включая самого Эпименида, – лжецы. Следовательно, его высказывание ложно, что, казалось бы, входит в противоречие с изначальным допущением. Но если мы допустим, что высказывание критянина ложно, то из него следует, что по крайней мере некоторые жители Крита не лжецы. Здесь может быть два варианта: либо Эпименид принадлежит ко множеству честных островитян, либо нет. В первом случае мы снова приходим к абсурду. Остается лишь одна возможная трактовка высказывания, в которой Эпименид – лжец, а его высказывание ложно. В этом случае обнаруживается, что по своей сути, с точки зрения логики, высказывание Эпименида будет псевдопарадоксом.

Но эта логически приемлемая интерпретация слов Эпименида далеко не сразу приходит нам в голову. Слова критянина все равно кажутся нам довольно странными и контринтуитивными для обыденной установки. Дело в том, что этот псевдопарадокс содержит крайне важное разделение сказавшего и сказанного. Если понимать истину и ложь как соответствие (или несоответствие) содержания высказывания действительности, то абсолютный лжец или абсолютно честный человек будут в реальности невозможны: для этого потребуется всезнание. В действительности же бывает, что лжец, сам того не зная, может сказать нечто истинное о мире, как и честный человек способен заблуждаться. Сам «парадокс» Эпименида в его классической форме

этого не предусматривает, поскольку в нем заранее предполагается только возможность абсолютно лживого говорящего.

Значит, помимо истинностного содержания высказывания существуют прагматические факторы, определяющие нашу повседневную коммуникацию. Их следует отделять от пропозиции – мысли, выраженной каким-то высказыванием. Здесь можно вспомнить иронию, когда одна и та же фраза в зависимости от интонации или контекста может иметь противоположное значение, но то же содержание. Пропозиция высказывания будет истинной или ложной, но само высказывание этой характеристикой не исчерпывается.

Осмысленная коммуникация – это всегда результат взаимодействия двух субъектов речи, которые определенным образом интерпретируют сказанное. При этом каждый из них осознаёт, что собеседник не только понимает значение слов, но и обладает общим знанием о взаимной возможности такого рода понимания [Мигунов, 2018, с. 123]. Каждое высказывание можно расценивать в разных категориях относительно его содержания или иллокуции, то есть цели, которую говорящий преследует своим высказыванием. Чтобы лучше увидеть эту разницу, обратимся к примеру:

- (2) а. *Экскурсовод рассказывает своим слушателям интересный факт о городе. Один из туристов, слышавший об этом факте, кивает гиду.*
- б. *Жена приготовила курицу, но муж съел совсем немного. После ужина он сказал, что еда была очень вкусной. Жена согласна, что курица удалась, но не верит, что блюдо супругу действительно понравилось.*

Предложения в (2) являются разными видами утверждений. Для того, чтобы они были успешными, должен соблюдаться ряд условий, так называемых прагматических presuppositions. Говорящий должен считать пропозицию своего утверждения истинной. Слушающий же должен считать, что говорящий действительно верит в истинность пропозиции. И только при соблюдении этих двух условий утверждение будет успешным. В (2а) видно, что слушающий верит говорящему и серьезности его заявления, следовательно, утверждение успешно. В (2б), напротив, жена не считает, что муж говорит искренне, а значит, его высказывание неуспешно, хотя она и согласна с его словами, то есть считает пропозицию истинной.

Обманом в прагматике будет такая ситуация, в которой говорящий считает свои слова ложными, пусть даже в реальности они могут оказаться правдой. А успех обмана зависит от того, смог ли слушающий распознать отношение говорящего к пропозиции. Рассмотрим это различие:

- (3) а. *Сотрудник прикрывает своего коллегу перед начальником и говорит, что тот на больничном. Начальник верит своему подчиненному.*
- б. *Следователь на допросе говорит подозреваемому, что тот был на месте преступления в 13:00. Подозреваемый был там, но понимает, что следователь блефует и не знает этого наверняка.*

В (3а) представлен случай успешного обмана. И здесь важно, что босс не распознаёт именно отношения говорящего к своим словам. Обман будет успешным, даже если вдруг окажется, что работник не безответственный и действительно лечится дома. В (3б) же слушающий осознаёт, что пропозиция говорящего истинна. Однако подозреваемый понимает, что следователь утверждает ее голословно, сам не веря в истинность своих слов.

Описанные выше прагматические пресуппозиции успешного обмана и утверждения позволяют избавиться от парадоксов². В примере (1) теперь можно различить интенцию Эпименида и восприятие слушающего. В тех случаях, когда слушающий воспринимает Эпименида как лжеца, парадокса не будет просто потому, что нет успешного утверждения. Не важно, считает ли слушатель пропозицию истинной или ложной, она будет отвергнута, то есть не будет сказано ничего. Если же слушатель трактует слова критянина как утверждение, то возникает аномалия другого рода. Прагматическая пресуппозиция требует *неявно* признать Эпименида говорящим правду, тогда как утверждаемая пропозиция говорит о том, что он лжец. Они вступают в конфликт, и данное высказывание будет прагматически аномальным для слушающего. В этом случае фраза Эпименида интерпретируется примерно так же, как выражение «Я сплю», которое можно назвать абсурдным [Мигунов, 2018, с. 137]. Коммуникация снова не состоится, поскольку не было утверждения³. Значит, и парадокса не возникнет.

Аналогичное прагматическое разрешение есть и у известного парадокса Мура. Это особое высказывание, в котором говорящий утверждает пропозицию **p** и затем говорит, что не верит в нее.

- (4) *Идет дождь, но я в это не верю.*

² Прагматическое разрешение парадокса лжеца не является единственным и абсолютным. Существуют подходы с использованием трехзначных логик, формальные, метаязыковые и др. Я привожу именно это разрешение, чтобы прояснить понятие успешности.

³ Замечу, что проблемы в принципе могло не возникнуть, если мы понимаем слова Эпименида не как утверждение, но, например, как шутку. В этом случае на говорящего накладываются другие прагматические пресуппозиции, не противоречащие пропозиции.

В самой пропозиции нет логического противоречия: эмпирически вполне возможно, чтобы агент не верил в некоторое положение дел. Однако парадокс появляется в тот момент, когда некто произносит это высказывание. Парадоксальность произношения муровских высказываний заключается именно в нарушении прагматических presuppositions. Утверждая, что **p**, говорящий берет на себя обязательство считать данную пропозицию истинной. Соответственно, отрицая свою веру в только что сказанное, он произносит абсурдное или неуспешное высказывание.

Однако некоторые исследователи выступают с критикой прагматического разрешения парадоксов. Так, Улла Шмид в своей монографии о парадоксе Мура приводит следующее возражение: сторонники прагматического подхода к анализу парадоксов уходят от содержания предложений Мура к условиям, обеспечивающим их успешность. При такой оптике не принимается во внимание исследование функциональных и психологических свойств веры или мнения, модальности «агент считает, что **p**», в которых на самом деле кроется парадоксальность [Schmid, 2014, p. 73].

Я не могу принять такой контраргумент. На мой взгляд, нельзя анализировать такие коммуникационные акты, как убеждение или обман, в отрыве от коммуникации. Если воспринимать веру как функционально определенный психологический феномен, то это никак не помогает прояснить само понятие «верования» и его грамматические свойства. Прежде всего такая установка не дает однозначного объяснения, почему невозможно эксплицитно приписать себе ложное убеждение, даже при условии, что нам известны все свойства верования. Прагматический подход, в свою очередь, прицельно направлен на разрешение именно этого противоречия. Он демонстрирует, что парадоксы по типу (1), возникающие при общении, в том же естественном языке могут быть легко преодолены. В диалоге слушатель пытается избежать абсурда, поэтому решил бы, что слова Эпименида относятся ко всем критянам, кроме него. Поэтому крайне важно разделять в высказывании пропозицию и иллокуцию, прагматический компонент. Рассматривать успешность можно только в отношении действия говорящего с учетом всех обстоятельств коммуникации или, другими словами, в отношении речевого акта.

Пропозициональные и прагматические предварительные условия речевого акта крайне важны для исследования прагматики подразумеваемого значения, поэтому здесь необходимо прояснить несколько особенностей. Во-первых, истинность в отношении иллокутивных актов имеет коммуникативную природу. Статус их пропозиционального содержания определяется положением дел *в представлении* говорящего и слушающего [Мигунов, 2018, с. 123]. Этот факт объясняет разницу между успешностью и эффективностью речевого акта. Акт угрозы может быть правильно и с соответствующе-

щим намерением произнесен и интерпретирован слушающим как таковой – тогда он будет *успешным*. Но в то же время он будет *неэффективным*, если речевой акт не достигнет своей перлокутивной цели, то есть не остановит слушающего, не даст ему совершить какие-то действия.

Во-вторых, переход от речевых актов к компонентам подразумеваемого значения становится наглядным при анализе предварительных условий успешности ассертивов. Джон Сёрль в своем исследовании [Searle, 1969] отмечал, что неуспешными будут утверждения, содержание которых излишне в данном контексте, иными словами, утверждения должны привносить новую информацию в обсуждение. Например, мы не говорим: *он знает о своей боли* или *я пишу этот текст по своей воле*. Такие высказывания аномальны для обычного контекста, в котором предполагается, что агенты отдают себе отчет в своем внутреннем состоянии и статусе личной свободы. Это содержание неявно уже присутствует в акте утверждения. Таким образом, успешность утверждения неразрывно связана с предварительными условиями для такого типа иллокутивного акта, то есть прагматикой подразумеваемого значения.

2.1. Фоновость и аккомодация пресуппозиций

После того как были определены основные свойства успешности, я рассмотрю, в каком отношении к этому свойству находятся высказывания с неявным значением. Начать стоит с пресуппозиции, очень распространенного в естественном языке типа подразумеваемого значения. Уже из определения пресуппозиции как информации, необходимой для осмысленности диалога, видна тесная связь этого компонента значения с успешностью высказывания. Если собеседник не принимает пресуппозиции, то высказывания говорящего станут не просто ложными, но потеряют всякий смысл. Рассмотрим, как эмфатические конструкции⁴ порождают пресуппозицию существования:

- (5) *Это злые духи испортили Коле жизнь, # но злых духов не существует*⁵.

Пресуппозиция: *злые духи существуют*

Первая часть предложения (5) содержит пресуппозицию, которая должна быть принята для успешности всего высказывания. Поэтому фраза целиком становится бессмысленной, если говорящий отрицает подразумеваемое содержание. При этом нет никакой проблемы в отрицании ассертивной части высказывания – слушающий мог бы

⁴ Эмфаза – эмоционально-смысловое выделение какой-то части высказывания.

⁵ Знаком решетка (#) традиционно отображается неуспешное высказывание.

ответить, что жизнь Коли испортилась по другой причине, без вмешательства злых духов, хотя их существования он не отрицает.

Такое соотношение пресуппозиций и отрицания вызвано, с одной стороны, уже упомянутым свойством проективности. Эмфатическая конструкция даже под отрицанием предполагает существование субъекта (*Это не злые духи...*), то есть исчезает только явное содержание, но не подразумеваемое. С другой стороны, пресуппозиции, как было видно в (5), неотменяемы, точно так же как логические следствия высказывания. При этом слушающий может успешно уйти от навязываемого пресуппозицией содержания, но для этого требуются более сложные конструкции отрицания, которые ставят под вопрос неявное значение: **вообще-то** *никаких злых духов не существует* и т.п.

Взаимодействие успешности и пресуппозиций определяется прежде всего фоновым статусом последних. Они вносятся в контекст без обсуждения, поэтому часто могут использоваться для навязывания какой-то информации. Именно фоновость пресуппозиций делает неуспешными высказывания, подобные примеру (5), в которых подрывается фундамент осмысленности конкретной фразы и последующей коммуникации.

Но фоновость пресуппозиций также допускает некоторые выражения, которые были бы неуспешными для простого утверждения. Во втором разделе я выделил в качестве условия успешности иллюкутивного акта утверждения тот факт, что он должен сообщать новую информацию. Пресуппозиции за счет своего фонового статуса пренебрегают этим правилом, как в примере (6). В данном случае подразумеваемое содержание анафорично, оно уже было введено предыдущим предложением.

(6) *Ваня раньше курил. Сейчас он уже бросил курить.*

Пресуппозиция: *Ваня раньше курил.*

Я предлагаю разделять два типа успешности пресуппозиций: сильную и слабую. Сильная успешность – это ситуация, в которой неявное содержание уже было эксплицитно введено в контекст, как в (6). Но в реальной коммуникации нормальным является введение и контекстуально новой пресуппозиции. Для того чтобы адекватно ее воспринимать, слушающий прибегает к аккомодации – процессу доработки контекста для успешности высказывания с пресуппозицией [Lewis, 1979]. Этот процесс по своей природе *грайсманский*, поскольку участники коммуникации представляют, как выглядел бы общий фон разговора при условии, что собеседник соблюдает принцип кооперации. Пресуппозицию, требующую аккомодации, тоже можно назвать успешной, правда, успешной слабо, поскольку она требует дополнительных усилий от слушающего.

2.2. Особое измерение конвенциональных импликатур

Конвенциональные импликатуры, в отличие от пресуппозиций, иначе взаимодействуют с пропозициональным содержанием высказывания. Согласно Кристоферу Поттсу, импликатуры порождают особое измерение следствий, отличное от следствий логических [Potts, 2015, р. 30–31]. Такая многомерность высказывания вызвана разделением актуальной и вспомогательной для текущего разговора информации. Вспомогательное содержание обычно выражают аппозитивы (7a), некоторые союзы (7b) и частицы (7c):

- (7) а. *Юрий Гагарин, первый человек в космосе, родился в 1934 году.*
Импликатура: *Гагарин – первый человек в космосе.*
- б. *Сейчас апрель, но на улице холодно.*
Импликатура: *в апреле редко бывает холодно.*
- с. *Даже великие люди ошибаются.*
Импликатура: *обычно великие люди не ошибаются.*

Конвенциональные импликатуры вносят принципиально новое содержание в контекст диалога поверх уровня логических следствий, то есть они, в отличие от пресуппозиций, являются *нефоновыми*. Это свойство сказывается на условии успешности конвенциональных импликатур. Так, если импликатура будет ложной, то все высказывание не станет от этого неуспешным, как в примере (5) с отрицанием пресуппозиции. Если в контексте (7b) для участников беседы привычна холодная погода даже в апреле, то высказывание в целом сохранит свою истинность, хотя при этом слушающий может резонно усомниться в импликатуре говорящего.

Из-за свойства нефоновости на высказывания с конвенциональной импликатурой распространяется еще одно правило успешности. Их избыточное использование, когда содержание конвенциональной импликатуры уже было открыто введено в контекст, приводит к неуспешности. Это объединяет импликатуры с обычными следствиями предложения, для которых действует уже описанное в первом разделе предварительное условие успешности ассертивов вообще.

- (8) а. *Юрий Гагарин – первый космонавт. # Когда Гагарин, первый космонавт, приехал в Москву, его торжественно встретили.*
- б. *Юрий Гагарин – это первый космонавт. И практически все знают, что Гагарин был первым космонавтом.*

Избыточное использование аппозитива в (8a) делает высказывание неуспешным, а точно такая же пресуппозиция (8b), порожденная фактивным глаголом *знают*, аналогичного эффекта не вызывает. С такой ситуацией мы уже сталкивались в примере (6), где пресуппозиция из-за своей фоновости не делает неуспешным обращение

к уже введенному в контекст содержанию. Пример (8), в свою очередь, демонстрирует, что я подразумеваю под отдельным измерением конвенциональных импликатур. Ясно, что неуспешность в (8a) отличается от неуспешного употребления пресуппозиций. Высказывание не становится полностью бессмысленным, как в примере (5), скорее, оно кажется нам просто неудачным или стилистически некорректным. Все дело в том, что конвенциональные импликатуры, в отличие от пресуппозиций, не так тесно переплетены с существенным или at-issue содержанием высказывания. Тем не менее, на мой взгляд, в рамках грайсианского подхода избыточное употребление конвенциональных импликатур будет неуспешным, если нет прочих видимых оснований для нарушения максимы количества в виде повторения уже высказанной мысли.

Следовательно, измерение конвенциональных импликатур требует ввести особый статус для высказывания: предложение должно быть корректным не только на уровне констатируемого, но и подразумеваемого содержания. И для этого необходимо, чтобы содержание конвенциональной импликатуры совпадало с представлениями говорящего. В (7b) условием успешного высказывания будет искреннее убеждение сказавшего, что в апреле обычно тепло. Такая особенность объясняется другим свойством конвенциональных импликатур, уникальным для этого компонента подразумеваемого значения, – ориентацией на говорящего [Соболев, 2023, с. 95–97].

Ориентация конвенциональной импликатуры на говорящего проявляется в предложениях с глаголом пропозициональной установки. В таких случаях чаще всего оказывается, что подразумеваемое содержание относится не к мнению субъекта высказывания, но к позиции говорящего. Так, если я скажу: *Вася считает, что Гагарин, первый космонавт, полетел в космос вторым*, – то уточняющая конструкция здесь относится к моему мнению. Вася же просто ошибается, а не пытается своим высказыванием нарушить законы логики.

Таким образом, можно сформулировать следующие правила успешности конвенциональных импликатур. Во-первых, они родственны обычным следствиям предложения, поэтому к ним применимы все обычные законы успешности для утверждения: их нельзя отменить в последующем дискурсе и использовать избыточно. Во-вторых, так как конвенциональная импликатура относится к другому измерению значения, то успешность обеспечивается внутренним отношением говорящего к ее содержанию. Это расширяет возможности для успешного употребления такого типа значения в нейтральном контексте, а также в высказываниях, выражающих мнение другого субъекта.

2.3. Отменяемость речевых импликатур

В исследовании речевых импликатур есть проблема: их невозможно соотнести с бесконечным разнообразием конкретных языковых единиц. Как уже было сказано, речевые импликатуры возникают из-за прагматического и контекстуального взаимодействия участников коммуникации. Соответственно, одна и та же фраза в разных контекстах может читаться буквально, а может породить речевую импликатуру.

Первостепенной задачей в изучении этого типа значения для философов языка становится определение свойств речевой импликатуры как таковое. Явным претендентом на уникальное для речевых импликатур свойство является эксплицитная отменяемость. Именно такая позиция общепринята в научном сообществе. Фундамент для понимания речевых импликатур именно как отменяемых заложил Пол Грайс в своих заметках к «Логике и речевому общению». Он писал так: «Предполагаемая речевая импликатура **p** отменяема эксплицитно, если к словам высказывания, имплицитующим **p**, приемлемо добавить: *но не p* или *я не подразумеваю, что p*» [Grice, 1989, p. 44].

Как видно, грайсианское понятие отменяемости речевой импликатуры напрямую связано с предметом моего исследования. Успешная эксплицитная отмена произнесенного содержания может быть индикатором, что перед нами речевая импликатура. Здесь важно отметить, что успешная отменяемость помогает лишь отрицательно, то есть это необходимое, но недостаточное условие для обнаружения речевой импликатуры.

Тем не менее существуют разногласия даже касательно применимости правила эксплицитной отмены ко всем речевым импликатурам. Самый известный контрпример против универсального статуса отменяемости – это случай сарказма, когда прямое отрицание импликатуры лишь усугубляет изначальное двусмысленное восприятие высказывания [Weiner, 2006, p. 128].

- (9) *Два друга, Саша и Ваня, приходят утром на завтрак в отеле. Они подходят к шведскому столу и видят на нем три куска торта. Саша идет первым и кладет себе всё. Ваня говорит по этому поводу:*
- a. *Мне вот интересно, смог бы ты в теории взять себе еще больше торта?*
 - b. *Я не подразумеваю, что ты должен брать меньше. Мне просто любопытно.*

Предложение (9a) в данном контексте порождает речевую импликатуру, Ваня демонстративно нарушает максимы коммуникации, а значит, его слова имеют подразумеваемый смысл: Саша, по мнению

говорящего, должен был взять меньше и поделиться с другом. Но фраза (9b), как в правиле Грайса (*я не подразумеваю, что p*), все же не отменяет импликатуру, а наоборот, акцентирует ее.

Ситуация с сарказмом представляется любопытной, но, на мой взгляд, не является большой угрозой для общего правила. Акт отказа от предыдущей импликации будет успешным при двух условиях: 1) слушающие понимают само это высказывание; 2) намерения этого акта искренни. В статье, анализирующей неотменяемость сарказма [Vorge, 2009, p. 153], демонстрируется проблема в основе этого контраргумента. В качестве предмета критики выступает только теория значения Грайса, но совершенно в стороне остается его же теория коммуникации. Отрицание (9b), по сути, не будет отменой импликации, поскольку у говорящего и не было намерения ее отменить. А ситуация, в которой Ваня произносил бы (9a) и (9b) неиронично, привела бы к полному недоумению Саши и даже комическому эффекту.

Трудность, которая действительно может возникнуть, если объяснить отменяемость через успешность, – это размытие понятия отменяемости на более широкий круг явлений, чем одни речевые импликации. В более формальном виде это правило будет звучать так: содержание *p* в предложении *s* в контексте *c* отменяемо тогда и только тогда, когда существует контекст *c**, в котором (i) говорящий также использует *s*, (ii) но дополнительно произносит отрицание *я не подразумеваю, что p*, (iii) а все высказывание при этом будет успешным [Zakhou, 2018, p. 7]. Эта интерпретация проблематична, потому что отменяемым будет содержание любого высказывания, которое может стать фигуральным в другом контексте, например, как в следующих случаях:

- (10) а. *Он сделал ей предложение на воздушном шаре. Они витали в облаках.*
б. *Они витали в облаках. Но я не подразумеваю, что они реально витали в облаках, они просто были невнимательными.*

При таком определении отменяемыми могут стать не только речевые, но и конвенциональные импликации и даже семантические presuppositions. Для решения проблемы информативности такого определения можно разделить отменяемость на два разных вида: в широком и узком смысле. Отменяемость в широком смысле работает при уже озвученных правилах (i–iii) и касается почти всех компонентов подразумеваемого значения. А отменяемость в узком смысле подразумевает, что (i) относится только к употреблению *s* в буквальном значении [Ibid., p. 10]. Тогда прямой смысл presuppositions и конвенциональных импликаций нельзя назвать эксплицитно отменяемым по форме *s*, но не *p* (*Вася перестал курить, #но я*

не подразумеваю, что он когда-то курил). Так что верным и нетривиальным оказывается изначальное определение отменяемости Грайса: речевые импликатуры будут отменяемыми, если высказывание останется успешным.

3. Недостатки теории обязательств

Как уже было сказано, далеко не все теоретические подходы к коммуникации понимают ее прежде всего как обмен информацией и ментальными состояниями между говорящим и слушающим. Одной из таких неортодоксальных (по отношению к грайсианской традиции) концепций является *обмен обязательствами* или *commitment sharing* [Geurts, 2019].

В основе данного подхода лежит понимание социальной природы человека, жизнь которого проходит в постоянных языковых играх. Для любой координации участникам коммуникации необходимо, чтобы каждый имел представление об ожидаемых действиях и поведении другого. Такое представление возникает благодаря наложенному на говорящего обязательству перед слушающим действовать согласно сказанному. Более формально *commitment* будет трехместным отношением между двумя индивидами **S** и **H**, а также пропозицией **p**: S обязуется перед H действовать согласно p или $Com_{S,H} p$ [Ibid., p. 3–4]. Данный подход рассматривает речевые акты прежде всего через призму последующего поведения человека, поэтому я называю его бихевиористским.

Простой пример речевого акта, в котором накладывается обязательство видно невооруженным глазом, – это комиссив. Так, если Аня скажет Боре, что она выйдет погулять с собакой, то она накладывает на себя обязательство действовать соответственно пропозиции *Аня выйдет с собакой*. В то же время на Борю автоматически накладывается зеркальное отражение этого обязательства $Com_{b,a} p$: услышав эту фразу, он тоже должен действовать соответствующим образом. Например, Боря должен сказать, где собака, или не выходить сам на прогулку с питомцем. При этом в данной ситуации в рамках подхода обязательств не столь важны условия искренности речевого акта, поскольку обязательство будет накладываться вне зависимости от того, действительно ли Аня хочет или может сделать обещанное [Ibid., p. 8].

Чтобы объяснить, как работает речевой акт утверждения или ассерции, обязательства подразделяются на целевые (*telic*) и нецелевые (*atelic*), в зависимости от их связи с задачей говорящего. Обязательства первого типа порождают комиссивы и директивы, а второго – как раз таки ассертивы. Как считает Барт Гёртс [Ibid., p. 11–13],

все свойства утверждения, описываемые в парадигме Грайса, могут быть представлены через обязательства, то есть без обращения к интенции и ментальным состояниям. Как признаёт сам исследователь, это довольно радикальный тезис, поскольку ассерция больше других речевых актов зависит от максимы качества, единственно отсылающей напрямую к мнению говорящего (*не говори того, что считаешь ложным, и не говори того, что не можешь обосновать*).

Подход обязательств пытается объяснить коммуникацию, не обращаясь к интенциям и вере агента, однако в итоге он снова неизбежно возвращается к ним. Так Гёртс, помимо публичных обязательств, которые не подразумевают веры агента в истинность пропозиции, вводит частные обязательства агента самому себе: $Com_{a,a}p$. Частные обязательства фактически отождествляются с намерением или мнением агента в зависимости от типа речевого акта.

Предложенная для обязательств максима искренности $Com_{a,b}p \rightarrow \neg Com_{a,a} \neg p$ еще больше убеждает нас в связи этого подхода с классическим грайсианским пониманием утверждения [Geurts, 2019, p. 24–25]. Искреннее обязательство действовать согласно **p** подразумевает, что агент не должен действовать согласно не-**p**. По сути, это ничем не отличается от условия успешности утверждения, которое не раз упоминалось ранее. Вера в утверждаемую пропозицию даже в грайсианском подходе не определяется исключительно мысленным отношением к содержанию, безусловно важны и последующие действия агента, иначе коммуникация действительно сводилась бы к «чтению мыслей».

Поэтому подход обязательств не предлагает полноценной альтернативы принципу кооперации и максимам Грайса. Общение связано с пониманием намерения и имплицитного значения, а не только с эксплицитно сказанным и возникшими после этого обязательствами. В пользу этого свидетельствуют и эмпирические исследования комиссиров – актов, которые порождают обязательства напрямую [Bonalumi et al., 2020, p. 29–30]. Впрочем, едва ли от такого подхода нужно отказываться как от ложного. Скорее, сочетание намерений и обязательств дает самую полную картину того, как работает коммуникация. Например, без теории обязательств нельзя объяснить, каким образом дети младше четырех лет, еще неспособные полноценно представить чужое сознание, тем не менее могут совершать и, что важнее, понимать чужие речевые акты.

Возвращаясь к категории успешности, можно сказать, что подход обязательств не позволяет в полной мере объяснить этот феномен. Можно успешно взять на себя противоречащие друг другу обязательства перед разными людьми, и для речевых актов в рамках этого подхода не так важно отношение агентов к пропозиции, намерениям и т.д. Единственный вариант, когда обязательство будет неуспешным, – это когда агент ручается перед одним и тем же человеком в осуществлении

принципиально невозможного положения вещей, что переносит нас уже от прагматической успешности к чисто логической корректности высказывания.

Что особенно важно, обязательства не показывают особенности разных типов подразумеваемого значения. Успешность и неуспешность можно учитывать только при анализе намерений и знания участников коммуникации. А простое наблюдение за действиями согласно тем или иным обязательствам не даст нам достаточного знания о самом высказывании. Агент может вести себя одинаково, если он отвергает обязательство как по причине неуспешности, так и по причине ложности высказывания. Хотя, как было показано ранее, есть существенная разница как между статусом истинности/успешности одного и того же типа подразумеваемого значения, так и между условиями употребления импликатур и пресуппозиций.

4. Заключение

Таким образом, я показал, почему успешность или неуспешность высказываний нельзя редуцировать исключительно до нашего внешнего речевого поведения. Гораздо лучше с объяснением этого феномена справляется грайсианская традиция, которая, в отличие от бихевиористского подхода, учитывает намерения говорящего. Отчетливо это проявляется в контекстах употребления высказываний с подразумеваемым значением. Как было продемонстрировано, подход теории обязательств не только неизбежно обращается к ментальным установкам говорящего, но и в своем объяснении успешности не учитывает важных семантических различий типов подразумеваемого значения.

Так, семантические пресуппозиции из-за свойства фоновости в большей степени зависят от общего контекста и фона разговора участников коммуникации. Они не могут успешно вводиться в контекст, если невозможно провести аккомодацию их содержания. Конвенциональные импликатуры, порождающие отдельное смысловое измерение высказывания, приводят к неуспешности при избыточном употреблении. Но, будучи ориентированными на говорящего, они необязательно должны стать частью *common ground* собеседников. Речевые импликатуры, в свою очередь, из-за отсутствия связи с определенными конструкциями могут быть успешно отменены эксплицитным отрицанием. Объяснить механизмы успешности всех этих компонентов значения позволяют прежде всего грайсианские теории, что подчеркивают многочисленные примеры из естественного языка.

Тем не менее я не могу сказать, что традиция Пола Грайса является единственной и неуязвимой в теоретическом объяснении феномена

успешности. Далеко не все сложные языковые игры можно объяснить через максимы и общее знание участников беседы. Анализ метафоры или шутки в терминах Грайса был бы очень громоздким и неестественным. Однако, возможно, это одновременно и слабость, и сила данного подхода. Альтернативные бихевиористские теории часто приходят только к ad hoc объяснению отдельных конструкций через контекст конкретного речевого поведения, тогда как грайсианство предлагает теоретически универсальный механизм. Поэтому для следующих исследований целесообразно попробовать синтезировать формальный подход, учитывающий не только знание агентов, но также их взаимодействие в конкретном контексте.

Список литературы

Зоян, 2024 – Зоян С.Т. Импликатуры как модель смыслового порождения // Логико-философские штудии. 2024. № 1–2 (21). С. 13–16.

Мигунов, 2018 – Мигунов А.И. Парадокс или абсурд? // Логико-философские штудии. 2018. № 15 (3). С. 117–139.

Попова, 2022 – Попова Д.П. Место импозиции в типологии значений // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 111–122.

Соболев, 2023 – Соболев И.А. Критерии различия пресуппозиций и конвенциональных импликатур // Эпистемология и философия науки. 2023. № 60 (4). С. 86–103.

References

Austin, 1979 – Austin, J.L. “Performative Utterances”, in: J. Urmson & G. Warnock (eds.), *Philosophical Papers*. Oxford: Clarendon Press, 1979, pp. 233–252.

Bonalumi, Scott-Phillips, Tacha & Heintz, 2020 – Bonalumi, F., Scott-Phillips, T., Tacha, J., & Heintz, C. “Commitment and Communication: Are We Committed to What We Mean, or What We Say?”, *Language and Cognition*, 2020, no. 12 (2), pp. 360–384.

Borge, 2009 – Borge, S. “Conversational Implicatures and Cancellability”, *Acta Analytica*, 2009, no. 24, pp. 149–154.

Cobrerros, Égré, Ripley, Rooij, 2014 – Cobrerros, P., Égré, P., Ripley, D., & Rooij, R.V. “Foreword: Three-Valued Logics and Their Applications”, *Journal of Applied Non-Classical Logics*, 2014, no. 24 (1–2), pp. 1–11.

Geurts, 2019 – Geurts, B. “Communication as Commitment Sharing: Speech Acts, Implicatures, Common Ground”, *Theoretical Linguistics*, 2019, no. 45 (1–2), pp. 1–30.

Grice, 1975 – Grice, H.P. “Logic and Conversation”, in: *Syntax and Semantics*. Leiden: Brill, 1975, pp. 41–58.

Grice, 1989 – Grice, H.P. *Studies in the Way of Words*. Harvard: Harvard University Press, 1989.

Horn, 2004 – Horn, L.R. “Implicature”, in: L.R. Horn & G. Ward (eds.), *Handbook of Pragmatics*. Oxford: Blackwell, 2004, pp. 3–28.

Lewis, 1979 – Lewis, D. “Scorekeeping in a Language Game”, *Journal of Philosophical Logic*, 1979, no. 8 (1), pp. 339–359.

Migunov, A.I. “Paradoks ili absurd?” [Paradox or Absurdity?], *Logiko-filosofskie shtudii*, 2018, no. 15 (3), pp. 117–139. (In Russian)

Popova, D.P. “Mesto impozicii v tipologii znachenij” [The Place of Imposition in the Meaning Typology], *Voprosy jazykoznanija*, 2022, no. 6, pp. 111–122. (In Russian)

Potts, 2015 – Potts, C. “Presupposition and Implicature”, in: S. Lappin, C. Fox (eds.), *Handbook of Contemporary Semantic Theory*. Wiley-Blackwell, 2015, pp. 168–202.

Searle, 1969 – Searle, J.R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

Sobolev, I.A. “Kriterii razlichija presuppozitsii i konvencional’nykh implikatur” [Criteria for Distinguishing Presuppositions and Conventional Implicatures], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2023, no. 60 (4), pp. 86–103. (In Russian)

Weiner, 2006 – Weiner, M. “Are All Conversational Implicatures Cancellable?”, *Analysis*, 2006, no. 66 (2), pp. 127–130.

Wittgenstein, 2009 – Wittgenstein, L. *Philosophical investigations*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

Zakkou, 2018 – Zakkou, J. “The Cancellability Test for Conversational Implicatures”, *Philosophy Compass*, 2018, no. 13 (12), e12552.

Zolyan, S.T. “Implikatury kak model’ smyslovogo porozhdeniya” [Implicatures as a Model of Semantic Generation], *Logiko-filosofskie shtudii*, 2024, no. 1–2 (21), pp. 13–16. (In Russian)